

Дело первое

Приключение с картонной коробкой

Отбирая несколько типичных дел, иллюстрирующих необыкновенный талант моего друга Шерлока Холмса, я по мере возможности отдавал предпочтение менее броским (на первый взгляд) и в большей степени раскрывающим его поразительные умственные качества. Однако, к сожалению, все то, что связано с преступлениями, почти невозможно полностью отделить от яркой сенсационности, поэтому рассказчик остается перед выбором: либо жертвовать подробностями, чрезвычайно важными для его рассказа, тем самым искажив суть описываемого дела, либо свести свое повествование к сухому изложению событий. После этого краткого вступления я обращусь к своим записям о событиях не только странных, но и страшных.

Был жаркий и солнечный августовский день. Бейкер-стрит походила на раскаленную печь, необыкновенно яркие лучи солнца на желтой кирпичной стене дома напротив нашего окна до боли слепили глаза. С трудом верилось, что это те самые стены, которые зимой столь мрачно проглядывают сквозь серую мглу.

Холмс лежал на диване, уже в сотый раз перечитывая письмо, которое пришло на его имя с утренней почтой. Поняв, что он слишком занят своими мыслями, чтобы разговаривать, я погрузился в раздумья.

— Вы не обратили внимания на небольшую заметку в газете о необычном содержимом пакета, который получила по почте мисс Кушинг с Кросс-стрит в Кройдоне?* — неожиданно нарушил тишину мой друг.

— Нет, такая мне не попадалась.

— Наверное, пропустили. Бросьте-ка мне газету. Вот, под колонкой о финансовых новостях. Прочитаете вслух?

Я поднял газету, которую он бросил обратно, и прочитал указанную заметку. Озаглавлена она была «Страшная посылка».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая в Кройдоне, на Кросс-стрит, стала жертвой шутки, которую можно было бы назвать отвратительной, если бы этому происшествию не сопутствовали поистине жуткие обстоятельства. Вчера в два часа дня почтальон доставил в ее дом небольшую посылку, завернутую в коричневую оберточную бумагу. Внутри находилась картонная коробка, наполненная крупной солью. Высыпав соль, мисс Кушинг, к своему ужасу, обнаружила в ней два человеческих уха, судя по виду, отрезанных совсем недавно. Коробка была выслана накануне утром из Белфаста через почтово-посылочную службу. Никаких указаний на личность отправителя нет. Тот факт, что мисс Кушинг, незамужняя дама пятидесяти лет, ведет крайне уединенный образ жизни и имеет так мало знакомых, что вообще очень редко получает что-либо по почте, придает еще больше загадочности делу. Известно, что несколько лет назад, когда она жила в Пендже, в ее доме снимали комнаты три молодых студента-медика, которых она была вынуждена выгнать из-за их шумного и безалаберного поведения. Полиция склонна полагать, что подобный гнусный поступок по отношению к мисс Кушинг был совершен именно этими молодыми людьми, которые затаили на свою бывшую хозяйку обиду и теперь решили напугать ее, прислав эти части тела, которые раздобыли в каком-нибудь секционном зале*. Эту версию в некоторой степени подтверждает и то, что один из этих студентов был родом с севера Ирландии и, насколько известно мисс Кушинг, именно из Белфаста. Тем временем за дело уже активно взялась полиция. Следствие поручено мистеру Лестрейду, одному из самых опытных сыщиков».*

— Это те факты, которыми располагает «Дейли кроникл»*, — сказал Холмс, когда я дочитал. — А вот что пишет наш друг Лестрейд. Сегодня утром я получил от него такую записку: «Помоему, дело это в Вашем вкусе. Мы надеемся, что сами вполне сможем с ним разобраться, однако у нас возникли некоторые трудности с получением фактов, на основании которых можно

было бы начать расследование. Конечно же, мы телеграфировали в Белфаст на почтовое отделение, но в тот день было отправлено слишком много посылок, поэтому они ничего не могут сказать конкретно об этой коробке или вспомнить, кто ее отправлял. Это полуфунтовая* коробка из-под паточного табака*, и сама она ничем помочь нам не может. Версия со студентами-медиками мне по-прежнему кажется наиболее правдоподобной, но, если у Вас найдется несколько свободных часов, я был бы рад встретиться с Вами. Днем я буду либо в доме мисс Кушинг, либо в полицейском участке». Что скажете, Ватсон? Не побойтесь жары? Поедете со мной в Кройдон? Тут пахнет делом, которое могло бы войти в ваши анналы.

— Конечно! Я как раз не знал, чем заняться.

— Ну вот, теперь знаете. Попросите принести нашу обувь и вызвать кеб. Я буду через секунду, когда переоденусь и наполню портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел проливной дождь, и в Кройдоне жара была не такой изматывающей, как в городе. Холмс предупредил Лестрейда о нашем приезде телеграммой, и инспектор, жилистый, как всегда подвижный и похожий на хоряка, дожидался нас на станции. Пятиминутная пешая прогулка привела нас к Кросс-стрит, на которой жила мисс Кушинг.

Это была очень длинная улица, с двухэтажными чистыми и ухоженными кирпичными домиками, на выбеленных крылечках разговаривали женщины в передниках. Лестрейд остановился примерно на середине улицы и постучал в одну из дверей. Открывшая нам служанка провела нас в гостиную, где сидела мисс Кушинг. Это была женщина со спокойным лицом, большими добрыми глазами и прямыми седоватыми волосами, которые слегка вились на висках. В руках она держала выдавшую виды салфетку для спинки кресла, рядом на табуретке стояла корзинка с разноцветными шелковыми вещами.

— Эта жуть в сарае, — сказала она, когда в комнату вошел Лестрейд. — Не могли бы вы побыстрее забрать их?

— Конечно же, мисс Кушинг, я заберу их. Только вначале я хочу, чтобы мистер Холмс осмотрел их в вашем присутствии.

— Зачем же для этого нужна я, сэр?

— Возможно, он захочет вас о чем-нибудь спросить.

— Какой смысл меня о чем-то спрашивать, если я уже сказала вам, что ничего об этом не знаю?

— Вы совершенно правы, мадам, — мягким голосом сказал Холмс. — Я не сомневаюсь, что все это дело и так уже причинило вам достаточно беспокойства.

— Не то слово, сэр. Я спокойная женщина, живу одна, и мне непривычно видеть в газетах свое имя, а у себя дома полицию. Я не хочу, чтобы эти ужасные вещи вы несли сюда, мистер Лестрейд. Хотите на них посмотреть — идите в сарай.

Сарай оказался небольшой постройкой в длинном узком саду на заднем дворе. Лестрейд зашел в него и вынес желтую картонную коробку, кусок коричневой упаковочной бумаги и какой-то шнурок. В конце садовой дорожки находилась скамья, на нее мы и сели все втроем, и Холмс принялся внимательно изучать предметы, которые по одному передавал ему Лестрейд.

— Чрезвычайно интересный шнурок, — заметил он, подняв его к свету и понюхав. — Что вы о нем скажете, Лестрейд?

— Он пропитан дегтем.

— Совершенно верно. Это часть пропитанной дегтем веревки. Вы, несомненно, заметили и то, что мисс Кушинг разрежала этот шнурок ножницами, о чем можно судить по шероховатости на обоих кончиках. Это важно.

— Не вижу в этом ничего важного, — пожал плечами Лестрейд.

— Важно то, что узел остался нетронутым, а сам узел довольно необычен.

— Да, он довольно туго затянут, я тоже на это обратил внимание, — не без гордости в голосе произнес Лестрейд.

— Так, со шнурком разобрались, — улыбнулся Холмс. — Теперь обертка. Коричневая бумага с отчетливым запахом кофе. Как, вы не заметили? По-моему, очень отчетливый запах. Адрес

написан печатными буквами, но очень небрежно. «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон» писалось широким пером, возможно «рондо»*, и очень плохими чернилами. Слово «Кройдон» вначале было написано через «т», которую потом исправили на «д». Следовательно, адрес писал мужчина (почерк, несомненно, мужской), малообразованный и не бывавший в Кройдоне. Пока неплохо! Коробка желтая, картонная, емкостью полфунта, из-под паточного табака. Ничего примечательного, кроме двух отпечатков больших пальцев руки на нижней стороне в левом углу. Наполнена крупной солью. Соль такого качества используется в производстве, например для хранения кож. А в ней и само необычное вложение.

С этими словами он вынул из коробки два человеческих уха и, положив их на крышку коробки у себя на коленях, внимательно изучил. Лестрейд с одной стороны и я с другой тоже подались вперед и стали рассматривать эти страшные предметы, время от времени поглядывая на напряженное, сосредоточенное лицо Холмса. Потом он вернул их в коробку и ненадолго задумался.

— Вы, конечно, заметили, что это уши разных людей, — наконец заговорил он.

— Да, я это заметил. Но если все это шутка каких-то студентов, имеющих доступ к секционному залу, им было несложно раздобыть непарные уши.

— Верно, только это не шутка.

— Вы в этом уверены?

— Почти да. В секционных залах в тела для сохранности вводят специальную жидкость. На этих ушах ее следов я не увидел. К тому же они довольно свежие. Отрезаны тупым инструментом, что вряд ли бы произошло, если бы это делали студенты. Кроме того, чтобы сохранить их, медику вряд ли пришлось бы в голову использовать грубую соль, в первую очередь он бы подумал о растворе карболки* или спирте. Повторяю, мы имеем дело не с розыгрышем, а с серьезным преступлением.

Легкий холодок прошел по всему моему телу, когда я услышал эти слова моего компаньона и увидел, каким серьезным

сделалось его лицо. Столь мрачное вступление, казалось, предвещало нечто невыразимо ужасное и загадочное. Однако Лестрейд лишь недоверчиво покачал головой.

— Несомненно, версия со студентами имеет свои недостатки, — сказал он, — но любая другая версия вызывает еще больше сомнений. Нам известно, что эта уважаемая женщина последние двадцать лет тихо жила в Пендже, а потом здесь. За все это время она из дому дольше чем на день не отлучалась. Зачем какому-то преступнику слать ей прямые доказательства своей вины, тем более, по ее словам, она (в том случае, если, конечно же, она не гениальная актриса) не больше нашего знает, что все это означает?

— Именно эту загадку нам и предстоит разгадать, — ответил Холмс. — Я собираюсь приступить к делу на основании предположения, что мои выводы верны и мы имеем дело с двойным убийством. Одно из этих ушей женское. Оно меньше, изящнее, и мочка у него проколота для серьги. Второе, мужское, когда-то загорелое, затем обесцвеченное, и тоже с проколом для серьги. Скорее всего, эти люди мертвы, иначе мы бы к этому времени о них уже что-то услышали. Сегодня пятница, пакет отправлен в четверг утром, следовательно, трагедия произошла в среду или вторник, либо даже раньше. Если эти люди убиты, кто кроме убийцы мог послать мисс Кушинг это доказательство своей работы? Предположим, тот, кто отправил посылку, и есть преступник. Пойти на подобный шаг его могла заставить только очень серьезная причина. Что же это за причина? Ему необходимо было сообщить ей о том, что дело сделано. Или, возможно, заставить ее страдать. Если это так, значит, мисс Кушинг должно быть известно, кто этот человек. Знает ли она его? Сомневаюсь. Если бы она его знала, она бы не стала обращаться в полицию, закопала бы уши, и никто ничего бы не узнал. Так бы она поступила, если бы хотела защитить преступника. Но, с другой стороны, если бы она *не* хотела его защитить, она бы назвала его имя. Что-то здесь не так. Нужно в этом разобраться! — Холмс говорил громко